

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5451257>

## О шокирующих осознаниях и курящих незнакомцах

**Направленность:** Слэш

**Автор:** [masha898511](https://ficbook.net/authors/860287) (<https://ficbook.net/authors/860287>)

**Фэндом:** Yuri!!! on Ice

**Пейринг или персонажи:** Юра/Отабек

**Рейтинг:** R

**Жанры:** Романтика, Флафф, AU

**Размер:** планируется Миди, написано 40 страниц

**Кол-во частей:** 8

**Статус:** в процессе

### Описание:

Очень симпатичных, к слову

### Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

### Примечания автора:

Это должен был быть миди. Но потом я поняла, что меня не хватает на большой объем текста, поэтому это будет сборник драбблов про их жизнь в этой аушке.

А ещё у меня фетиш на курящего Отабека, да.

№9 в топе «Слэш по жанру Флафф»

№23 в топе «Слэш по жанру AU»

№34 в топе «Слэш по жанру Романтика»

# ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	5
Часть 3	9
Примечание к части	13
Часть 4	14
Примечание к части	21
Часть 5	23
Часть 6	30
Часть 7	37
Часть 8	42
Примечание к части	46

# Часть 1

Музыка бьёт басами по ушам, толпа вокруг орёт и закрывает обзор, размахивая руками.

Юра распахивает людей, отходит в сторону, совсем близко к сцене, к ее боковой стороне — уличный концерт, на который он поехал только ради одной группы, длится уже почти два часа, и курить хочется невероятно.

Чиркает зажигалкой, облизывает губы — «Мальборо» в ларьке закончились, а времени идти в магазин не было — Мила с Гошей и так обрывали телефон, поэтому он взял «Капитан блек». Губы, из-за сладкого фильтра на вкус, как шоколад.

Юра жмурится, выпускает дым в прохладную сентябрьскую ночь.

Он не пьяный, но пьяненький — ходить легко, жизнь кажется веселой, энергия так и норовит вылиться во что-то, о чем потом можно будет вспомнить, стыдливо прикрыв лицо рукой.

К нему подходит мрачноватого вида парень, судя по виду — не русский, но выглядящий круто в кожаной куртке и темными серьгами в ушах. Достает красно-белую пачку из кармана, зажимает губами сигарету.

«Сексуальный», — проносится в мозгу Юры. Он не может вспомнить, когда в последний раз у него было хоть что-то серьезнее одноразового переписка, и в принципе его это даже устраивает, но парень, тщетно пытающийся поджечь сигарету, выглядит очень и очень неплохо.

— Угости огоньком, у меня зажигалка накрылась.

«Голос у него тоже классный», — тут же думает Плисецкий, поджигая незнакомцу сигарету.

Тот выглядит немного растерянным, даже слегка печальным и трезвым. Руки у него в перчатках без пальцев, и это кажется все-таки довольно пьяному Юре возбуждающим.

Парень выше на несколько сантиметров, широкоплечий и красивый. Он переводит взгляд темно-карих (или темно-серых? В темноте не разобрать) глаз, и Юра улыбается краешком губ.

Он открывает рот, хоть как-то попробовать завязать разговор, авось что-то ему сегодня перепадет.

— Вот ты где! — Мила, как и всегда, появляется совершенно не вовремя.

— Скоро та группа, про которую ты не умолкая говорил, на сцену выйдет, — и тут она замечает парня. Преображается она моментально, поправляя прядь коротких волос за ухо и скреживая руки, чтобы акцентировать внимание на груди. — Я Мила.

Юрин гей-радар за несколько лет достаточно хорошо настроился, чтобы сейчас он мог быть уверен, что незнакомца больше интересуют его ключицы, что видны в разрезе футболки, чем грудь Бабичевой.

— Отабек, — кивает парень, и Мила улыбается.

Алкоголь, кажется ударяет в голову по второму кругу. Юра делает пару шагов, сокращает расстояние между ним и Отабеком (имя кажется смутно знакомым), тянет за край куртки, поворачивает голову к Миле.

— Прости, но я его увидел первым.

И целует, бросая сигарету на асфальт, приоткрывая рот, сразу впуская чужой язык.

Отабек отвечает, и горечь табака немного обжигает язык.

Юра проводит рукой по бритому затылку — это очень и очень круто, когда волосы колются под пальцами, а парень кладет ладонь на заднюю часть его шеи. Юра прижимается ещё ближе, запускает руку в жестковатые тёмные волосы на макушке. На языке оседает лёгкий привкус шоколада — привет от капитана.

Юра почти готов забить на выступление одной из своих любимых групп, и перейти хоть куда-нибудь, где не арестуют за секс в общественном месте, потому что напряжение нарастает, но телефон в кармане Отабека вибрирует — Юра чувствует это своим бедром.

— Я должен идти, — говорит парень, а рукой скользит по Юриной спине, спускаясь ниже поясницы.

Выхватывает телефон из заднего кармана, набирает какой-то номер, и после первого гудка сбрасывает.

— Спишемся, — бросает он через плечо, уходя за сцену.

Юра почти не помнит, как он оказался возле Гоши с Милой (которая демонстративно его игнорирует). Она и так постоянно ноет, что все нормальные девушки достаются Гоше, а парни — Юре, а этот случай точно будет ему долго припоминать.

Выходит группа, последняя за сегодняшний вечер, и челюсть Юры непроизвольно открывается. У парня, что несёт бас-гитару взъерошены волосы, и можно посчитать это сценическим образом, но Юра знает, что это его рука несколько минут назад была в этой тёмной шевелюре.

Мила кладет руку ему на плечо, забыв, кажется, что она вроде как дуется.

— Это же... тот парень? — спрашивает она, и Юра может только кивать.

Он целовался с басистом довольно известной панк-рок группы, не подозревая об этом. С ума сойти можно.

А ещё у него есть его номер.

## Часть 2

Юра немного трясущимися руками набирает одно-единственное сообщение через пару минут после того, как Отабек вместе с группой уходит со сцены.

«Вау», — пишет без точки, без восклицательного знака. Юра и сам не знает, что он подразумевает под своим «вау» — выступление, буквально взорвавшее зал, или то, что незнакомый парень оказался басистом, но думает, что Отабек поймёт это правильно. Гоша переписывается со своей девушкой, Мила болтает с каким-то парнем. Юра, конечно, может ошибаться, но тот выглядит младше ее как минимум лет на пять.

Опыт многих концертов Юра уже выяснил, что лучше подождать, пока схлынет основная толпа, и только после этого идти к выходу, и именно это даёт Отабеку время на ответ. «Если ты не торопишься, то подходи на стоянку». Сердце Плисецкого проваливается в район желудка.

Он быстро и скомкано прощается с друзьями, слегка кивает на приподнятую в немом вопросе бровь Милы.

На стоянке к тому времени, как Юра до неё доходит, уже почти нет машин, и Отабек загружает гитарный чехол в багажник здорового Хаммера. Он хлопает по плечу солиста, находит глазами Юру, стоящего в некотором отдалении, смотрит на него с легкой ухмылкой.

Когда машина отъезжает, Отабек подходит к Плисецкому.

— Я всё ещё не знаю твоего имени, — говорит он, поднимая сиденье мотоцикла и доставая оттуда два шлема.

— Юра.

Неловкость наваливается внезапно, щеки начинают гореть. Он просто взял и поцеловал его меньше часа назад.

— Итак, Юра, — говорит Отабек, застегивая шлем, — у нас есть несколько вариантов дальнейшего развития событий.

Первый — Я довожу тебя до дома, мы неловко целуемся, и ты уходишь, размышляя, не упустил ли ты свой шанс. Я не могу сказать, что этот вариант мне сильно нравится, — Юра чуть хмыкает и согласно кивает. Уголки губ Отабека приподнимаются в лёгкой улыбке. — Второй вариант: я опять же довожу тебя до дома, но дальнейшее развитие событий несколько иное.

— Дома дедушка, — перебивает Юра, и Отабек кивает, заводит мотоцикл.

— Тогда мы едем ко мне. Держись крепче.  
Кожаная куртка скрипит под пальцами.

Огни ночной Москвы опьяняют своим смазанным мельтешением, холодные упругие струи

ветра пронизывают насквозь, и Юра прижимается к Отабеку ещё ближе, чтобы хоть чуть-чуть согреться.

Они подъезжают к девятиэтажке ближе к окраине города. Юра и сам живёт не очень далеко отсюда. Осенний воздух кажется теплее, стоит им остановиться. Юра заходит в исписанный маркером лифт, Отабек нажимает на кнопку с цифрой «пять». Юра уже слишком трезв чтобы заговорить, но еще немного пьян, поэтому особого смущения или стыда до сих пор нет. В квартире-двушке сделан свежий ремонт, но на полу и на всех горизонтальных поверхностях хаотично разложены ноты.

Юра довольно долго возится с кедами, за это время Отабек проходит на кухню и возвращается с двумя банками пива.

— Покурим? — кивает в сторону балкона, и Юра послушно идет за ним. Городской шум проходит в открытое окно вместе с тусклым светом, угольки сигарет танцуют в мягком рыжеватом полумраке.

— Тебе же есть восемнадцать? — спрашивает Отабек немного хрипловатым голосом.  
— Не то, чтобы это что-то изменило, но для галочки надо спросить.

— Даже девятнадцать есть. Не волнуйся, проблем не будет, — пиво развязывает язык, придает иллюзию отваги. — Часто ты спишь со своими фанатами? — спрашивает Юра. На самом деле это его не касается, но почему-то оказаться одним из многих ему не очень хочется.

— Часто ты целуешь незнакомых людей?

— Голос у Отабека с нотками веселья, и Юра невольно фыркает.

— Неа. Первый раз такое.

Отабек скидывает бычок в окно, смотрит нечитаемым взглядом тёмных глаз.

— Вот и меня обычно не целуют незнакомые парни.

Юра бросает свою сигарету следом за сигаретой Отабека, смотрит на музыканта с ожиданием. Отабек симпатичный, милый, а Юра, к тому же, слишком давно не ощущал чьего-либо тепла.

Алтын, Юра всё же вспоминает фамилию с плаката, наклоняется, кладет руку на его затылок и целует.

Юра привык к пустой страсти, редким поцелуям, которые почти невозможно получить, к леденящей своим одиночеством пустой половине постели.

То, как его целует Отабек — нежно, чувственно, тягуче-ласково, заставляет в его душе что-то хрустеть, как весенний лед на реке, давая трещины в контроле чувств. Юра вцепляется в темную толстовку почти отчаянно, принимает тепло и нежность, старается, изо всех сил старается вернуть их сполна.

Отабек, не разрывая поцелуй, делает несколько шагов, вытесняя Плисецкого в гостиную.

И там уже прижимает к стене в паре метров от двери в спальню. Вклинивает колено между ног: «Как же это охрененно», — успеваешь подумать Плисецкий, прежде чем Отабек забирается руками ему под футболку. Юра довольно мычит в поцелуй, запуская руки в густые волосы на макушке. Отабек разрывает поцелуй, спускается по шее чуть влажной дорожкой легких, совсем не болезненных укусов.

Юра одно время поддерживал связь с парнем, которому нравилось метить его тело. Поначалу было необычно, даже прикольно, но со временем это стало противно и мерзко. Те синяки от укусов, что сходили больше недели со светлой кожи, напоминали о чем-то неприятном, грязном: о том, как Юра просил остановиться, но его не хотели слышать. Тот парень сжимал челюсти почти до прокушенной кожи, хватал бедра до лиловых синяков.

Отабек же лишь прикасается к коже зубами, ни разу не больно, не противно и... это даже возбуждает. Отабек слегка прикусывает кожу на ключице, Юра охает от неожиданности, откидывая голову назад, а после ухмыляется — взгляд, направленный на ключицы, ему не померещился.

Плисецкий опускает одну руку на край толстовки, слегка тянет на себя. Отабек поднимает на него взгляд затуманенных глаз. Зрительный контакт затягивается. Первым не выдерживает Юра, и выдохнув, целует, забрасывая руки на чужие плечи, чувствуя как на его спине Отабек стискивает его футболку.

С Юрой никто и никогда не обращался так нежно: его плавно заталкивают в спальню, укладывают на кровать, немного придавливают своим весом, но от этого он даже ловит кайф, сам помогает Отабеку стянуть кофту, проводит по крепким смуглым рукам ладонью, задыхается от лёгких поцелуев, что Отабек рассыпает по его плечам. Юра точно знает, что никто из тех, с кем он спал, даже самые внимательные и заботливые, — никто не может сравниться с Отабеком в осторожности и чувственности.

Почему-то Юра не может поверить, что они знакомы всего несколько часов, не может поверить в то, что не знает ничего, кроме имени, о человеке, за которого он так судорожно цепляется, к которому тянется за поцелуями, и который отвечает так сладко и трепетно, так *правильно*

(Юра вообще не помнит, целовался ли он столько хоть с кем-нибудь, сколько за один лишь сегодняшний вечер). С его губ срывается имя Отабека, и тот смотрит в ответ с таким теплом во взгляде, что Плисецкий, кажется, загорается еще сильнее. Краснеет до самых кончиков ушей, отводит взгляд, царапает короткими ногтями чужую спину, лишь бы он перестал *так* смотреть. Юра плавится, сгорая от прикосновений, он горит в этом огне, как будто впервые ощущая, что его сердце с чьим-то бьется в унисон.

Обычно Юра вызывает себе такси сразу после секса — иногда его партнёры сами просят об этом, но в этот раз ему очень хочется остаться на ночь. Отабек лежит рядом молча, они курят прямо в кровати, и Юра очень боится стряхнуть пепел мимо пепельницы. Потом они лежат, расслабленно целуясь, пару раз сталкиваясь носами и мягко улыбаясь от этого.

Юра не знает, сколько прошло времени, но Отабек встаёт, натягивает трусы из шкафа и выходит из комнаты.

Юра не уверен, является ли это приглашением на выход, но на всякий случай начинает одеваться.

Отабек заходит в комнату, когда он уже натягивает футболку. Джинсы он, правда, ещё не вывернул. Отабек прислоняется к дверному косяку, скрещивает руки на груди. В левой руке он что-то держит.

— Собираешься уезжать?

— Ну... Не знаю, удобно ли оставаться у тебя.

Отабек, будто понимая тот клубок эмоций, который сейчас оплетает Юру, подходит к нему и стаскивает футболку, целуя в основании шеи. Юра думает, что это можно считать разрешением остаться.

— Я принес тебе Power Bank. Он заряжен. Поставь телефон, а то сядет. Завтра я могу отвезти тебя до дома, — говорит он ровно и четко, но Юрию кажется, что в его глазах притаилась легкая обида.

— Спасибо, — Плисецкий подключает телефон, Отабек выключает свет, и ложится, в считанных миллиметрах от него.

Юра не может вспомнить, когда в последний раз рядом с ним на кровати засыпал не кот, не помнит, когда слышал сквозь затягивающую пелену сна фразу «спокойной ночи».

Оказывается, засыпать, чувствуя рядом тяжесть и тепло чужого тела, очень и очень приятно.



## Часть 3

Юра просыпается на груди Отабека, который обнимает его одной рукой, а другой перебирает его волосы, наматывая светлые пряди на палец, и смотрит слегка задумчиво.

— Доброе утро, — смущённо, и оттого тихо, говорит Плисецкий, и вдруг осознает, что хочет получить поцелуй.

Как в этих бабских фильмах, где после перепиха главные герои встречаются потом в каком-нибудь магазине или на работе. Там всегда все начинается с мягкого утреннего поцелуя. А может быть и нет, Юра же не смотрит всю эту выдуманную дичь.

Но целоваться (поправочка: целоваться с Отабеком) хочется так сильно, что губы чешутся.

Из-за штор в спальне царит полумрак, сероватый и мягкий.

Отабек коротко касается губами его виска.

— Я пойду помоюсь и завтрак приготовлю. На стиральной машинке тебе одежду и полотенце оставлю. Поспи ещё немного.

Юра угукает и соскальзывает в лёгкую дрему, а когда открывает глаза в следующий раз — вроде минут через пять, но точно прошло больше, слышит свист чайника.

Юра зарывается в одеяло на половине Отабека — строго говоря здесь обе половины его, но мысленно Юра все равно называет их по-разному.

Уснуть больше не выйдет, поэтому Плисецкий садится на кровати.

Комната в серо-бежевых тонах небольшая, но аккуратная, почти аскетичная даже. На стене висит календарь с красной рамочкой, на тумбочке стоит фотография музыкальной группы — Отабек стоит справа от солиста и улыбается так искренне, что у Юры щемит в сердце. Юре эта фотография кажется смутно знакомой — с какого-то фестиваля, наверняка была в его ленте «контакта».

Юра проводит рукой по шее, тут же вспоминает про губы Отабека на ней вчерашней ночью. Юре хочется узнать, остались ли у него засосы, которые надо скрыть от бабушки. Но для этого надо встать и пойти в ванную.

На машинке и правда лежит чёрная футболка с белой надписью «Fuck off», зелёное махровое полотенце и зубная щётка в пластиковой упаковке.

Юра смотрит в отражение — засосов нет, только одно едва заметное пятнышко под ключицей. Юра трет его с лёгкой улыбкой.

Он не любит фанатизм, но против меток — тем более не очень болезненных или заметных — ничего не имеет. А еще ему очень хочется быть помеченным Отабеком.

Хочется сохранить не только воспоминания — очень приятные, к слову, — но и что-то реальное. Что-то, на что Мила сможет указать, удивлённо распахивая глаза.

Юра немного смущается от своих мыслей — так можно было бы размышлять, если бы у них были какие-нибудь предпосылки к отношениям, но все что было у них — просто секс, и Юра достаточно сознательный, чтобы понимать, что про отношения, начавшиеся с глупого пьяного поцелуя нечего и думать.

И все же, с Отабеком было очень хорошо. Лучше, чем с кем-либо другим. И он такой... кажущийся идеальным. Зарядку вечером дал, лежал, стараясь не разбудить, завтрак готовить пошёл.

Прямо сейчас купить кольцо и попросить стать спутником жизни. Господи, да его первый парень не был таким продуманным и заботливым, когда Юра впервые остался у него на ночевку. Они оба тогда были девственниками, а его родители уехали на дачу. Юра хмыкает, вспоминая постельное белье с розочками и свечи на подоконнике. И плевать, что двенадцать часов утра, а рядом занавески. Тогда вся эта атмосфера — тихая музыка на фоне, вонь дешёвых ароматических свечек и постоянные вопросы вроде: «тебе нормально?», «все хорошо?», «тебе приятно?» — все это бесило невероятно, вся эта перенежность и перезабота.

А сейчас, точнее вчера, была тишина, разбавляемая лишь вздохами судорожными, поцелуями и тихими стонами — потому что стонут громко только в порнухе или наиграно; руки уверенные, а не боящиеся каждого своего действия, запах чистоты и сигаретного дыма, которые на удивление великолепно сочетались... и Отабек. И не было вынужденных объятий и неловких взглядов.

Юра выходит из душевой кабинки, наскоро вытирается, натягивает футболку, с некоторым удовольствием осознавая, что она великовата, умывается и выходит из ванной.

Отабек наливает кофе ему в чашку, ставит перед ним тарелку яичницы с беконом. Юра благодарно кивает. Они не говорят друг другу ни слова, и это немного... напрягает. Вот именно для того, чтобы не чувствовать этого гнетущего молчания, Юра и избирает обычно легкий путь избегания. Может быть, ему стоило вчера уехать.

Но, черт возьми, как же приятно было проснуться в чужих объятиях.

Юра нервно качает ногой, закинутой на колени.

Яркий солнечный свет, просачивающийся сквозь полупрозрачные легкие шторы и тихий гитарный перебор из радио, вкуснейшая яичница и расслабленный парень напротив него — все кажется дико непривычным, даже пугает отчасти.

Юра задевает ступней голень Отабека, вспыхивает моментально до самых ушей, почти давится глотком кофе.

— Прости.

Отабек смотрит на него, и в утреннем свете видно, что глаза у него все же карие, да ещё и золотятся янтарём.

— Всё в порядке.

Неловкое молчание прерывается лишь стуком вилок по тарелкам. И, наконец, Отабек заговаривает. Юре кажется, что они чем-то похожи — так же предпочитают промолчать и не начинать разговор. Но он вчера немного нарушил привычный ход вещей. Теперь очередь Отабека.

— Твоя подруга вчера обмолвилась, что ты много говорил про нашу группу. Как так вышло, что ты не понял, что я в ней состою?

Юра отводит взгляд в окно.

— Я слушаю музыку, а не бегаю за исполнителями, как тринадцатилетняя девчонка.

Отабек ухмыляется.

— Хороший ответ.

Отабек смотрит в окно, а потом трет руку выше локтя. Золотистая кожа выглядит очень красивой в солнечном свете, а крепкие мышцы, что не выпирают, как у перекаченных идиотов, а лишь обозначаются плавными линиями, указывая на скрытую силу, вызывают перед глазами слишком реалистичную картину — эти великолепные руки на его собственном теле. Во рту моментально становится сухо. Юра в один глоток допивает кофе, восхитительный, надо сказать, с корицей, как он и любит. Отабек заводит даже одним своим присутствием, а когда он отставляет тарелку в сторону и выдвигает из-за салфетницы пепельницу и закуривает, обхватывая своими губами (охрененными, Плисецкий знает) фильтр, у Юры в мозгу начинает натурально искрить. Ну, или не совсем натурально. Вернее даже будет сказать совсем не натурально.

Юра облизывает пересохшие губы, прикусывает нижнюю. Вчера его действия можно было списать на алкоголь, сегодня же он трезв. Отабек все так же заводит. Юра проводит ногой по чужой лодыжке.

— Ой, прости, — говорит Юра, едва ухмыляясь.

Отабек не дурак, он прекрасно всё понимает, и глаза его будто темнеют, но лицо остается бесстрастным и пока он в три больших затяжки докуривает, и пока убирает посуду в раковину.

Юра досадливо цокает языком. Неужели не понял?

Но Отабек подходит к нему со спины, и Юра напрягается. Сразу. А по позвоночнику в предвкушении пробегают мурашки.

Отабек кладет тёплые ладони на плечи Плисецкого, слегка надавливает, ведет по

шее, до самой кромки волос. В мозгу будто идет помехи. Юра запрокидывает голову, утыкается затылком в чужой пресс. Отабек задевает немного шершавыми пальцами за самым ухом, и смотрит сверху вниз прямо в глаза — тепло-тепло. На Юру так никто никогда еще не смотрел, тем более такой вот случайный знакомец. Отабек делает шаг в сторону и наклоняет лицо Юры, медленно и мягко касается губ в легком поцелуе. Юра обвивает свои руки вокруг чужой шеи, теряется совершенно в ощущениях. Губы Отабека на вкус как кофе и сигареты, от него самого тонко, прохладно-трепетно пахнет одеколоном и средством для бритья. Юре нравится. Но хочется больше. Такое чувство, будто он не сможет никогда насытиться им. И это чувство немного напрягает — он никогда подобного не ощущал. А тут будто добрался до того, что от него долго и тщательно прятали. Юра углубляет поцелуй, Отабек поднимает его со стула, обняв за талию.

— Ты не торопишься домой? — Выдыхает он прямо в губы.

Юра целует его в шею прямо туда, где в бешеном темпе бьётся венка.

— Я весь в твоём распоряжении, — Отабек запускает руки под футболку, проводит шершавыми от гитарных струн подушечками по линии позвоночника, обводит ямки на пояснице, одной ладонью сжимает ягодицу через джинсы. Юра шумно выдыхает через нос, царапает чуть-чуть плечо.

— Очень хорошо, — бархатисто шепчет Отабек (у Юры от этого шепота мурашки по спине бегут), а потом вдруг прикусывает ухо — сперва мочку, а потом быстрыми мимолетными прикусываниями поднимается по хрящичку. Плисецкий ахает, чувствуя, как сбивается дыхание. Эрогенные зоны — полная ересь, как он всегда думал. Он даже помнит, как долго утирал ухо после того, как один из его партнеров запустил туда язык. Это было слюняво и достаточно мерзко, но сейчас, вот именно в этот момент, он возбуждается за долю секунды до ряби перед глазами.

Он не очень хорошо осознает, как выходит так, что оказывается на диване — тут он полностью солидарен с Отабеком — идти до спальни нет никаких сил. Отабек лежит сверху, покрывает шею невесомыми поцелуями, и Юра просовывает руку под его футболку, ведет по тёплой, горячей даже коже, немного надавливая ногтями. Не так, чтобы было больно, а чтобы показать как сильно он его хочет. Отабек целует его глубоко, медленно, заставляя задышаться, лишая способности думать, мыслить, ощущать что-либо кроме его рук и губ. Они трутся друг об друга, как двое слетевших с катушек от гормонов подростка, Юра стискивает чужую футболку на спине, дышит тяжело, а Отабек находит рукой его свободную ладонь, прижимает её к подлокотнику и переплетает их пальцы. Юру ведет, Юру срывает, в висках стучит лишь собственный пульс и судорожное дыхание Отабека. Юра находит чужие губы, а Алтын под футболкой оглаживает его ребра. Юра кончает, а через несколько секунд и Отабек обмякает. Плисецкий переводит дыхание, а потом усмехается и говорит тихо:

— Думаю, тебе придётся дать мне ещё и трусы.

\*\*\*

Перед выходом они целуются так долго, что Отабек отрывается, поправляет Юрину челку, и отходит на шаг.

— Если мы продолжим, то я не уверен, что отпущу тебя.

Юра улыбается, сам не уверенный в том, что он уедет, если они не остановятся сейчас, но дома ждет бабушка, а завтра рано утром на учёбу и потому он застегивает куртку во второй раз за сегодняшний день — Отабек расстегнул её несколько минут назад, и берет протянутый ему мотоциклетный шлем.

Доезжают до Юриного дома они до обидного быстро — Плисецкий был бы рад покататься, крепко прижимаясь к Отабеку подольше.

Он отдаёт шлем, поправляет волосы, и смотрит на парня. Прощаться не хочется.

Встретятся ли они ещё? Или эта ночь — «волшебная», как любят писать девушки на тупых форумах — была первой и последней?

— Если захочешь повторить, то у тебя есть мой номер, — говорит Отабек, и сердце Юры замирает на миг.

— Я полностью свободен на этих выходных.

Отабек приподнимает в улыбке уголки губ.

— Тогда спишемся ближе к ним. До встречи, Юра.

— До встречи, — отвечает он и почти забегает в свой подъезд, прижимается спиной к холодной стене напротив лифта. Один из его самых сумасшедших поступков обернулся чем-то, что не поддается никакому объяснению. Это тёплое, греющее чувство под ребрами тоже.

Юра закрывает глаза и улыбается. На губах до сих пор ощущается фантомный привкус кофе и сигарет.

## **Примечание к части**

Я очень сильно задержала обещенную главу. Простите.

А ещё я дико извиняюсь, за то, что не отвечаю почти на отзывы. Не только на эту работу - на многие. Простите. Они очень много значат для меня. Правда. Просто иногда я не могу подобрать слов для ответа. Простите меня

Я очень сильно вас всех люблю

## Часть 4

— Вы переспали? — в лоб спрашивает Мила, даже не здороваясь (тактичность — не ее конек), когда после второй пары они втроем, вместе с Гошей, пересекаются в курилке. Так уж у них заведено.

\*\*\*

Вообще, история о том, как они начали сперва общаться, а после уже и дружить, долгая и даже странная немного. А события, приведшие к этому начали происходить еще раньше.

В самом начале сентября, когда Юра только поступил в вуз, когда он ходил по коридорам, в панике разыскивая аудитории, пытался на парах примелькаться профессорам, он столкнулся с одним парнем с третьего курса. Столкнулся в буквальном смысле.

Как в фильмах — разлетевшиеся листы, соприкосновения рук — все как в дешевых мелодрамах. И парень просто сказка — улыбчивый, красивый, как раз в Юрином вкусе. А на следующий день он подошел к Плисецкому сам. И с этого дня они начали общаться. Обошлось без тяготы и без долгого хождения вокруг да около — уже через две с половиной недели Юра привез свою зубную щетку в его квартиру. Юра влюбился в Дениса почти сразу, да так сильно, как никогда до этого не влюблялся, и до сих пор не уверен, что сможет влюбиться.

Эти отношения были далеко не первыми, но самыми серьезными в его жизни.

Денис работал. Его могли вызвать на ночь глядя, могли потребовать немедленно в выходной, и он всегда уходил, целуя Юру на прощание, говоря, что это закончится, как только он выплатит ипотеку за квартиру.

А в начале ноября к Юре на перемене подошла рыжая третьекурсница — он уже пару дней замечал на себе ее пристальный взгляд. Спросила: «Ты — Юра?», и дождавшись утвердительного кивка произнесла: «Пошли покурим».

Юра не курил тогда еще, так, баловался иногда, но прекрасно понимал, что зовут его не на сигаретку. Разговор, начинавшийся с фразы «пошли покурим», не мог быть хорошим. Так и вышло.

Уже через десять минут Юра тушил бычок второй сигареты, слушая слова Милы о том, что Денис спит со всеми подряд, и никакой работы у него в помине нет, а ипотеки и подавно — квартиру ему купил богатый папочка еще на первом курсе. Мила говорила, что понятия не имела о том, что у него есть парень, как и все остальные, а поняла это лишь несколько дней назад, когда от Юры на телефон Дениса пришли сообщения о том, что он не может найти специ.

Юра помнит этот момент — он решил сварить суп, чтобы когда Денис вернулся со смены, он мог поужинать нормальной едой. *Пока он варил чертов суп, Денис трахался со*

*своей однокурсницей.*

— Прости. Я правда не знала. Если бы знала — ни за что не стала бы с ним спать.

Юра потушил фильтр очередной сигареты подошвой — с непривычки голова немного кружилась, поблагодарил Милу за честность — на самом деле ее хотелось задушить, но она и правда ни в чем не была виновата, — и пошел к ним домой, по пути купив пачку «Кента». За полтора часа собрал все свои вещи и сел ждать. Тушил сигареты прямо о клеенку, которую они вместе выбирали, потому что на старую скатерть пролили вино, и старался не плакать.

Когда из коридора донеслось «милый, я дома», Юра вызвал такси через приложение, взял пакеты и рюкзак, подошел к Денису на расстояние шага и залепил пощечину.

— Трахайся с кем хочешь. Только нахрена тебе я был нужен? — просипел, потому что голос не слышится совсем, и вышел на лестничную площадку, бросая на тумбочку у двери свой дубликат ключей.

Приехал домой к бабушке и позорно разревелся у него на груди.

Два дня не ходил в университет, почти не вставал и ничего не ел. Кто же знал, что первые настоящие отношения он заведет именно с таким мудаком?

А потом пришли Мила с Гошей.

Она представилась Юриной подругой, принесла пива, вытащила на скамейку у дома, потом ежедневно следила, чтобы он ходил в вуз, таскала их по фестивалям, клубам и концертам, не давая ни на минуту задумываться о Денисе. Вытащила. На пару с Гошей вытянула.

Так и появилась их компания, хотя иногда Юра чувствовал себя немного лишним — Мила с Гошей дружат, в прямом смысле, с пеленок, на одной лестничной клетке жили всю жизнь, в одну школу ходили, Мила в тот же вуз пошла, где Попович учился, все прошли: от огня до медных труб. Гоша был первый, кто узнал о ее ориентации, Мила была рядом с ним, когда его бросила «любовь всей жизни», вполне логично выбрав между бедным студентом и обеспеченным молодым бизнесменом второго.

Юра как-то спросил у Бабиной, когда набрался храбрости (вообще-то просто набрался, по трезвости он бы это не спросил никогда) что неужели за столько лет они никогда не пробовали встречаться, и Мила рассказала, что когда ей было четырнадцать, она была в Гошу влюблена, записки с признаниями передавала, якобы от своей одноклассницы, а потом прошло.

Юра все же иногда завидует немного их дружбе — у него такой никогда не было. Но этих двоих он любит и не может представить уже своей жизни без них.

\*\*\*

— Так вы переспали? — опять спрашивает Мила, и Юра кивает, улыбаясь. — И как он? Должно быть, охрененен.

— А то. Шикарно все было.

Мила затягивается.

— У вас на один раз было? А то я у тебя номерок стрельну. Вдруг повезет.

Юра легонько толкает ее в плечо, смеется.

— Мы договорились на этих выходных встретиться.

Мила ребячески показывает язык, Гоша хмыкает. Юра почти счастлив в эту секунду.

\*\*\*

Юра никогда не изучал информацию про тех, чью музыку он слушает. Но Отабек становится исключением.

Юра роется по группам, по фан-сайтам, выискивает любую информацию, которой так мало на самом деле, что можно считать, что и нет вовсе.

Ничего не известно ни про семью, ни про прошлое, ни про личную жизнь. Во всех интервью говорит только про группу, про музыку, про увлечение мотоциклами пару раз и про то, что раньше хотел всерьез заниматься диджеингом.

Юра тысячу раз открывает окошко чата с контактом, подписанным, как «Отабек», начинает печатать «привет», но потом стирает. Он давно так не нервничал в общении с кем-то, наверное потому что ни с кем за последний год не было так, чтобы просыпаться после секса в обнимку.

Юра смотрит видеозаписи с концертов, клипы, обращает внимание только на Отабека. Господи, какой же он все-таки красивый. Почему из всей группы у него самый маленький фан-клуб? Он достоин быть самым популярным. Хотя тогда, возможно, их встречи и не произошло бы.

Юра говорит дедушке, что его позвали на шашлыки, и его не будет все выходные. И ждет сообщения.

Отабек пишет в четверг, когда Юра сидит на паре по экономике. Сердце Плисецкого заходится в бешеном ритме, когда он видит имя отправителя, но тут же замирает, стоит ему прочитать текст смс.

«У меня появились кое-какие дела в воскресенье, прости».

Юра сглатывает, сжимает губы.



Вот и все.

Его, похоже, только что отшили. Хотя на что он рассчитывал? Что басист популярной группы вдруг заинтересуется им?

Юра с силой проводит ручкой по полям тетради, почти разрывая бумагу. Вот Мила-то поржет. Сначала поржет, а потом будет успокаивать, когда он напьется.

Но тут телефон вибрирует опять, и Юра читает на экране: «Но мы могли бы встретиться в пятницу, если ты не занят. Я бы отвез тебя в воскресенье утром домой». Юра, кажется, прекращает дышать. А вдогонку к предыдущему, приходит еще одно сообщение: «Если хочешь, я могу забрать тебя после пар. Ты же учишься где-то? Я не спросил тебя об этом», — и Юра роняет голову на локти. Где-то внутри, прямо за грудной клеткой будто надувается воздушный шарик.

Остаток пары — жалкие двадцать минут — проходит как-то мимо него. Юра старательно пытается выдумать ответ, который не был бы слишком равнодушным, но при этом не показал бы, как на самом деле он рад. Показывать свои эмоции очень честно Юра не любит — с этого начинается привязанность. А привязывается к кому-то он решительно не хочет.

Хотя тоненький голосок в голове шепчет: «а не стоит ли сделать исключение?», но Юра затыкает его.

В итоге он пишет, что он свободен в пятницу, скидывает адрес университета и время окончания последней пары. Потом стирает время и добавляет двадцать минут. Вдруг задержат, и Отабеку придется его ждать. А так он и покурить еще успеет. Перечитывает сообщение еще раз и отправляет. Теперь остается всего один вопрос: как дожить до завтра.

\*\*\*

С последней пары их, вопреки Юриному страху, отпускают даже раньше. Плисецкий пишет Миле сообщение — у Гоши сегодня всего три пары, он уже домой уехал — и садится в холле ждать. До того, как Отабек приедет, еще полчаса. И без того безумно долго тянущееся время и сейчас растягивается еще дольше. Так всегда бывает, когда чего-то ждешь. Особенно чего-то важного.

Мила проталкивается сквозь толпу, хватая Юру за руку и вытягивает на улицу.

Они закуривают, Мила говорит, что больше всего хочет лечь и уснуть — опять почти до утра смотрела сериалы, Юра предлагает встретиться в воскресенье. Мила отстраненно кивает, но тут ее глаза удивленно распахиваются. Юра следит за направлением ее взгляда и чуть не роняет сигарету.

На стоянку заезжает мотоциклист и снимает шлем.

— Это за тобой? — удивленно (охуевше) спрашивает Мила.

Юра смотрит на Отабека, который достает из-под сидения второй шлем, кивает.

Господи, какой же он... идеальный. Приехал почти на пятнадцать минут раньше. Юра бросает сигарету, обнимает Милу.

— До воскресенья, — говорит он ей, и идет, стараясь не перейти на бег, к Отабеку.

Алтын замечает его, улыбается коротко. Юре кажется, что он выглядит уставшим.

— Привет, — говорит Плисецкий принимая шлем из чужих рук.

А больше всего на свете ему хочется поцеловать Отабека. Так не было... Да почти никогда так не было, не тянуло его так сильно ни к одному человеку, даже к тому же Денису. И нет, Юра их не сравнивает.

— Привет, — отвечает Отабек, и Юра видит, что взгляд темных глаз направлен на его губы. Что ж, в этом они сходятся. — Я после репетиции только, со вчерашнего вечера не ел ничего, кроме бутерброда, голодный, как волк. Мы можем заехать куда-нибудь, или на дом заказать. Как лучше?

Юра колеблется немного — он не особо любит выбирать, особенно, когда выбор не очевиден.

— Как тебе удобней.

Отабек приподнимает уголки рта в легкой улыбке, смотрит на Юру так, что колени подламываются — столько в этом взгляде теплоты, — и говорит, будто соглашаясь сам с собой:

— Тогда, наверное, лучше на дом. Что насчет пиццы?

\*\*\*

Доставщика они ждут возле подъезда всего несколько минут — Отабек назвал время, во сколько подвезти пиццу, когда заказывал ее, а пока их обед еще в пути, они курят. Юре кажется, что он набросится на Отабека, сразу, как они окажутся вне поля видимости кого-то из людей. А еще Юра думает о том, что курить так, как курит Отабек просто нельзя. Это нужно запретить законом, потому что это слишком сексуально. Хотите посмотреть порно онлайн и без регистрации? Посмотрите, как курит Отабек.

Или это Юра просто свихнувшийся.

Отабек отдает деньги, и останавливает жестом Юру, когда тот вытаскивает свой кошелек.

— Я заплачу.

Юра не особо любит, когда за него платят - это заставляет чувствовать себя обязанным, но до стипендии еще долго, а пенсия у бабушки небольшая, поэтому даже двести рублей лишними не будут, и убирает кошелек обратно в сумку.

Отабек моет руки в раковине на кухне, берет кусок пиццы с таким блаженным лицом, что кажется, будто это то, ради чего он жил. Даже глаза закрывает, когда откусывает первый кусок.

Когда оставшиеся четыре куска убраны в холодильник, Отабек ставит чайник. Он все-таки выглядит очень уставшим. Юра не знает, как начать разговор.

— Наш солист решил, что половина одиннадцатого — идеальное время для написания новой песни, — наконец-то заговаривает Отабек. — Так что вернулся я домой вчера к трем, а утреннюю репетицию никто не отменял. Конечно, я проспал, позавтракать не успел, — Отабек ухмыляется, разливая чай по кружкам. — Думал, у меня желудок сам себя переварит.

Юра фыркает в чашку.

Отабек кажется, наконец-то расслабился, смотрит на Юру непонятым, но вполне дружелюбным взглядом.

— На кого ты учишься? — довольно неожиданно спрашивает он.

— Пиар-менеджер, — отвечает Юра. Ему отчасти хотелось бы, чтобы его профессия звучала как-то более серьезно, вроде инженера. А менеджеров сейчас как собак нерезаных. — А ты уже закончил учиться?

Отабек опускает взгляд в чашку, горьковато улыбается.

— У меня нет высшего.

Юра хочет спросить, как так вышло, но прикусывает язык. Видно же, что тема неприятная. Да и какое ему дело, в конце-концов. Но узнать хочется. И с этим желанием ничего не поделаешь.

Но Отабек выдвигает пепельницу на середину стола, как бы приглашая Юру покурить вместе с ним, и поджигает сигарету.

— Я не смог пройти на звукорежиссерский, чуть-чуть не хватило, решил подготовиться за год, попробовать еще раз, но обстоятельства сложились так, что мне пришлось уехать из Казахстана. В Москве работал, там познакомился с Тимой — нашим ударником, — на чьем-то дне рождения он узнал, что я закончил музыкальную школу по классу гитары, спросил, не хочу ли я попробовать в группе играть. Ну и как-то после этого все почти сразу завертелось, мы стали набирать свою аудиторию, начались концерты, записи песен, и уже не до вышки стало.

Юра кивает, внимательно слушая. Этот рассказ Отабека кажется ему простым и

честным, но есть в нем что-то — скорее всего причина отъезда — что делает его горьким и тоскливым. Но это спрашивать было бы совсем не хорошо — слишком личное, такое вряд ли рассказывают, когда видят человека второй раз в жизни. Даже если вы переспали. Юра не помнит имен большей части тех, с кем он спал за последние месяцев восемь.

Тему все же лучше сменить, думает он.

— Могу задать дурацкий вопрос?

Отабек улыбается выжидающе.

— Почему у тебя нет татуировок?

Отабек затягивается, и Юра думает, что действительно, курить так сексуально надо запретить.

— Я копил, хотел что-то масштабное, крутое. Но потом был тот переезд, денег не было совсем, пришлось повременить. А потом, когда деньги появились, накопил сперва на квартиру, потом на мотоцикл — полгода назад купил. Как-то не до татуировок было. А сейчас просто даже не знаю чего я хочу. В восемнадцать знал, а сейчас уже нет. Забавно даже. Ну и желания такого сильного уже нет. Но думаю набить себе что-нибудь. Может быть, чуть позже.

Юра кивает. Вся жизнь Отабека связана с тем переездом. Вернее будет даже сказать, с его последствиями.

Юра меняет тему на более нейтральную, и они говорят про фильмы, музыку, книги до тех пор, пока в их чашках почти кончается чай, но Отабек подливает еще. Это кажется немного странным — они собрались здесь для вполне конкретного времяпрепровождения, но эта беседа льется будто сама по себе, нисколько не обременяя, и это великолепно.

Юра даже не помнит, когда последний раз разговаривал с кем-то о таком большом количестве вещей и событий, не помнит, когда простой разговор доставлял столько удовольствия. На часах половина седьмого, когда кипятилок — уже просто теплая вода — заканчивается, и Юра удивленно осознает, что прошло почти полтора часа. За окном начинается смеркаться. Они греют по куску пиццы в микроволновке, садятся на диван, и включают телевизор.

И это тоже странно, но до Юры вдруг доходит осознание — Отабек спал сегодня часов пять, не больше, и он думает, что просто вырубится сразу, как они переспят, поэтому оттягивает все хотя бы до темноты. Хотя коротать время за чудесной беседой ему очень нравится. Но прошло уже столько времени, а он так и не поцеловал его. Это надо исправлять.

Когда тарелки оставлены к ножке дивана, Юра приподнимается и целует Отабека, тут же понимая, что и тот этого хотел.

Проходит совсем немного времени, а Юра уже сидит у него на коленях и помогает стянуть свою футболку.

Отабек смотрит почти пьяными глазами, хотя алкоголя они не выпили ни капли, ведет рукой по Юриной пояснице, и от этого вроде бы простого движения сносит крышу окончательно. Может быть дело тут в том, что это Отабек.

А потом, когда они все же переходят на кровать, вновь происходит *это*: переплетенные пальцы, смешивающиеся дыхания и взгляды сквозь ресницы.

\*\*\*

Юра просыпается в объятиях. И это очень быстро может войти в привычку, и осознание этого пугает немного, но заставляет что-то внутри трепетать. Юра оставляет короткий поцелуй в уголке губ Отабека и встает.

Умывается, чистит зубы уже знакомой щеткой — свою он, конечно же забыл дома, а потом идет на кухню варить кофе. О завтраке он не волнуется, со вчерашнего дня осталась пицца, и самым верным решением будет просто подогреть ее.

Отабек приходит на кухню когда кофе почти закипел, смотрит на Юру мягко, подходит, берет его лицо в свои руки, проводит по скулам большими пальцами — от этого стоять становится физически сложно, потому что колени подкашиваются, и больше всего хочется упасть в объятия — и целует. Юра почти забывается, но находит в себе силы разорвать поцелуй.

— Кофе убежит.

— К черту кофе, — говорит Отабек, на ощупь выключает конфорку, и подхватывает Юру под ягодицы.

Юра думает что да, к черту кофе. У них еще целые сутки, и они успеют и сварить его, и выпить, а сейчас хочется насладиться друг другом гораздо больше. И это они тоже успеют сделать.

## Примечание к части

У меня дикий хед на то, что Мила би.

Спасибо всем Вам! Без Ваши отзывов я бы забросила эту работу, но теперь я думаю даже о том, чтобы перевести ее в из законченных в состояние "в процессе", потому что изначально это планировалось как миди

Посмотрим.

Я Вас очень люблю

Спасибо.

И про отзывы.

Я игнорщик, каких надо еще поискать, но стараюсь хотя бы время от времени отвечать на Ваши отзывы.

Но делаю я это очень не регулярно, извините. Все они для меня очень много значат. Кстати, Я всегда рада вопросам и касательно этот фанфика, и других моих работ, поэтому если у Вас они есть - задавайте смело.

Но это лучше в личку или в моей группе вк. Я буду рада ответить.

Думаю, что в скором времени сделаю аск. Не уверена, но скорее всего

Примечание к части Дорогие мои!

Я вернулась!!

Эти несколько месяцев выдались просто НЕЕБИЧЕСКИ тяжелыми. Чтобы вы понимали, насколько все плохо: меня почти уpekли в психушку, я свалила из универа и миллионы раз слушала нотации ото всех членов моей семьи, я полностью разругалась со своей лучшей подругой (теперь уже бывшей, (наверное, к счастью) и она высказала мне кучу претензий, по большей части не особо обоснованных и послала меня на хуй), и сказать по правде, я даже рада, что большая часть всей хрени со мной произошла, потому что это тоже опыт. Негативный, но опыт.

Я по вам соскучилась. Безумно просто.

Честно, я старалась написать хоть что-нибудь, открывала ворд, и часами, реально часами пялилась на пустую страницу.

Когда я смогла написать пять предложений, я была счастлива.

(Я развела тут нюни и философию, простите)

В любом случае, я очень рада вернуться. Надеюсь, что больше я так не пропаду.

Обнимаю каждого из Вас!)))

## Часть 5

Капли мягко накрапывают за окном, стучат по металлическому отливу за стеклом; в комнате прохладно — все-таки октябрь почти, а отопление конечно же, еще и не думают включать — и серый полумрак клубится по углам, и слышен лишь убаюкивающий шепот дождя, да спокойное размеренное дыхание.

Юре очень хорошо и уютно — он лежит поверх Отабека на диване, и их обоих обнимает пушистый здоровенный плед, который в обычное время служит покрывалом для кровати Алтына. Юре спокойно так, как не было, похоже, никогда, он балансирует где-то на зыбкой границе между сном и явью, и чувствует себя на удивление защищенным, лежа на груди Отабека, одна рука которого лежит на его спине, а вторая размеренно перебирает прядки его волос. Он, видимо, тоже находится в легкой полудреме.

И Юре в этот миг кажется, что времени не существует вовсе, что учеба, общение с кем-то — просто игра воображения, что происходящее именно сейчас — единственная реальность — тягучая, расслабленная и по-настоящему домашняя. И ему бы очень хотелось, чтобы так было всегда, чтобы эта сладкая нега, чуть горячая табакотом от футболки Отабека, никогда не исчезала.

Он немного вытягивается и проводит кончиком носа по шее Отабека. Тот хмыкает, глубоко вздыхает и целует его в макушку.

Идиллия.

Юра закрывает глаза, готовый вновь соскользнуть в полудрему, но Отабек вдруг начинает тихо говорить, и его голос вибрацией отдается в груди.

— Юр, у нас в следующую субботу выступление в одном клубе, может ты хочешь сходить? — Юра подкладывает под подбородок руку и смотрит на Отабека.

Конечно он хочет. Очень хочет. Но денег лишних нет, а плата за концерт, да и всего за

неделю до события несомненно будет непомерно высокой для него.

Отабек, похоже, читает это в глазах Юры и поспешно добавляет:

— Я дам пригласительный. И твоим друзьям тоже, если они захотят.

Юра утыкается лбом в его ключицу. Запускает руку в его волосы, проводит по бритому, находит губами губы.

Как же это охренительно, каждый раз эти искры, это чувство, будто начинаешь задыхаться, если этот поцелуй прервется. И самое главное — ему кажется, что они оба это чувствуют.

— Я буду счастлив прийти, — шепчет он на выдохе за секунду до того, как где-то рядом с его правым коленом не начинает вибрировать, а после и звонить мобильник Отабека.

Алтын коротко целует его, шепчет:

— Прости, я должен ответить.

Юра говорит себе, что Отабек не должен просить прощения. Кто они? Есть секс по дружбе, а они, видимо, друзья по сексу. И Отабек имеет полное право отвечать на звонки, он ему, Юре, не принадлежит. А в голове все равно настойчиво бьется нечестная мыслишка: «хочу, чтобы принадлежал», но Юра тут же отмахивается от нее, он не хочет иметь ничего больше приятного совместного времяпрепровождения. Потому что от отношений и чувств одни проблемы и трудности. А они никому из них не нужны. Юра отстраняется от своих совершенно идиотских мыслей и пытается понять, с кем и о чем говорит Отабек. Скорее всего с кем-то из группы.

— Тот переход к припеву? Блин, я не помню, как по аккордам, сейчас наиграю, скажу.

Отабек встает и открывает шкаф возле телевизора. На верхней полке (она всего одна, остальных вовсе нет) стоит несколько книг, папка, из которой вываливаются листы бумаги, а в нижней части шкафа стоит гитара на подставке.

Вот и ответ Юре на незаданный вопрос — где у Отабека спрятана гитара, должна же быть она у него.

Отабек тем временем проводит по струнам, сидя по-турецки и положив телефон на диван прямо перед собой.

Потом зажимает какой-то аккорд — Юра в этом совсем не разбирается — несколько секунд играет, и Юре очень хочется запомнить его таким навсегда — с закушенной губой и сосредоточенным взглядом. Из микрофона на громкой связи звучит голос, потом короткие гудки. Отабек по-прежнему сидит рядом с диваном и смотрит на него слегка виновато, но с какой-то мягкой полуулыбкой, отчего Юра, если бы он злился, сразу бы капитулировал.

Юре хотелось бы попросить его сыграть что-нибудь, но он отлично знает, что это раздражает людей. Но Отабек по-прежнему сидит рядом с диваном и смотрит на Юру.



Плисецкий сползает с дивана и садится рядом с Отабеком.

— Сыграешь?

— Что? — он слегка приподнимает бровь и смотрит без обиды, которую Юра боялся заметить в его глазах, заинтересованно смотрит. Как будто они в шахматы играют, и Отабек ждет его хода.

— Предоставлю выбор тебе.

Отабек склоняет голову чуть на бок, закусывает краешек губы, потом широко улыбается.

— Думаю, ты оценишь, — зажимает аккорд, и вдруг резко начинает петь, и его голос не совсем подходит для этой песни, но Юра хохочет почти до слез на глазах, и начинает подпевать:

— Ты ходишь в нижнем белье

По квартире моей

Я понимаю: лето — жарко

Но меня пожалей

Так издеваться нельзя

И я начну скоро выть, — Отабек смотрит на Юру, и в его глазах, несмотря на серую слякоть за окном будто пляшут солнечные зайчики.

— Я ничего не хочу

Хочу лишь только тебя

Моя гитара в пыли

Три месяца и три дня, — Юра не выдерживает, и встав на четвереньки, подползает к Отабеку, кладет пальцы на его левую руку, заставляя перестать играть.

Их лица опять безумно близко, и это по-прежнему потрясающе.

— Я тоже тебя хочу, — все что он смог громко прошептать, потому что его вдруг затопило какое-то теплое и сладкое чувство, и между ребер будто надулся воздушный шарик.

Отабек откладывает гитару в сторону, сразу, почти по-хозяйски запускает руку в волосы на его затылке, и целует.

Юра кладет руку ему на плечо, сжимает мягкую ткань футболки, и в его голове слепящей вспышкой молнии проносится мысль: «Никогда не отпущу». Юра распахивает глаза — этой мысли в его жизни не место, ни к чему хорошему это не приведет — почти отшатывается от Отабека.

Ему надо уйти. Уйти немедленно, безвозвратно, ни за что больше не посещать их концерты, вычеркнуть из памяти лицо Отабека и его теплые руки, потому что это закончится очередной катастрофой.

Отабек смотрит на него ничего непонимающим взглядом, спрашивает участливо:

— Юр, все в порядке?

Юра промаргивается. Ничего, все в порядке. Ну мелькнула стремная сопливая мысль, ну с кем не бывает. А у них с Отабеком только секс (о-ху-и-тель-ный) и приятные выходные. Вот он и не хочет, чтобы эта суббота заканчивалась. Все в норме.

— Да шею капельку защемило, знаешь, бывает, ни с того ни с сего, не волнуйся. А сам вздыхает, для достоверности трет от низа затылка почти до ключицы, и думает о том, какой он дебил, такой момент клёвый испортил.

Но ничего, они сейчас упущенное наверстают, в идеале — неоднократно.

\*\*\*

Они лежат и курят электронную сигарету — Отабек, когда холодно и окно открывать не хочется, чтобы простыни и подушки не пропахли насквозь табаком, в комнате предпочитает электронки. Зал и кухня — другое дело, а из спальни тепло выпускать неохота.

Пара затяжек Юры — пара затяжек Отабека.

Юра так курил за гаражами с пацанами из класса, когда на весь район — всего пара магазинов, где можно без паспорта добыть сигареты, или знакомые постарше у кого-нибудь были. «По-армейски», после школы, одну сигарету на пятерых. Сейчас, правда, все совсем иначе.

Вдох — и змеящаяся стойка из полуоткрытого рта лениво поднимается вверх. Дым отдает легким запахом смородины.

Отабек выпускает колечки, потом вдруг смотрит на Юру как-то лукаво. Потом хмыкает, Юра приподнимает брови, мол, что?

— Умеешь курить по-цыгански? — И его немного хриплый голос сводит с ума.

— Умею, — тоже ухмыляется.

Отабек садится на кровати, Юра следует его примеру.

Отабек затягивается, но дым в себя не вдыхает, передает смородиновый вкус изо рта в рот.

Потом следует Юрина очередь, потом опять Отабека.

На четвертом кругу про электронку они забывают, сплетают языки — не яростно, как у Юры часто бывало с другими парнями, а тягуче, и пальцы в волосы запускают, и Юра кажется, что они друг в друге тонут. Почему-то хочется, чтобы не казалось.

Юра откидывается на кровати, Отабек целует сперва его губы, потом шею, потом ключицы.

Поднимает глаза, говорит шепотом (и почему они шепчут, Юра уверен, что звукоизоляция здесь чудесная. Возможно потому что в этом есть какое-то очарование.) — Можно я?

Юра сперва не понимает о чем он, но потом видит, что взгляд Отабека направлен на его ключицу, и едва выдыхает:

— Да. Конечно да, — а потом закусывает губу, кладет Отабеку на затылок руку, второй стискивает подушку.

Юра вдруг думает, что он хочет отсосать Отабеку. Хочет видеть, как он тяжело дышит, как закусывает губу, хочется в своих волосах почувствовать властную руку.

Но это не сегодня — сейчас хочется полностью слиться, и чувствовать, как Отабек накрывает его теплой тяжестью.

\*\*\*

Юра расчесывает волосы — из-за влажности концы немного подвиваются, и опять смотрит на засос под ключицей.

Улыбается, натягивает футболку, выходит в прохладу гостиной.

Отабек сидит за столом над каким-то листом, стучит карандашом по столешнице. Смотрит на Юру.

— У меня вообще вся еда закончилась. Масло осталось, и протухшая докторская колбаса.

Не, есть еще ряженка, точно, — встает и идет к холодильнику — там и правда мышь повесилась — смотрит на ту самую ряженку. — Блин, позавчера срок годности вышел. Мюсли были вроде, но я в этом не уверен. Зато крупы есть, можно кашу сварить. Только на воде. Не, если гречка — то все нормально.

Юра не выдерживает и фыркает.

— Ну что поделать, пошли в магазин провизию тебе закупать.

\*\*\*

Дождь закончился, и стало даже светлее, чем днем. С буро-желтых листьев падают холодные крупные капли, так и норовят, заразы, прямо за шиворот попасть. Или на макушку.

Они едят у палатки шаурму, потом решают просто прогуляться. У Отабека район чистенький, аккуратный. Не сказать, что элитный, но уж точно во много раз презентабельней Юрино.

Они обходят вокруг довольно большого пруда, где плавают утки, и Юра жалеет, что у него с собой нет хлеба, чтобы их покормить.

Он очень любил в детстве у дедушки на даче кормить уток. Они, конечно, были домашние,

и плавали в неглубоком озерце, полностью заросшем ряской, но Юра все равно кидал им корки, которые тогда не особо ел, особенно верхнюю на черном хлебе.

Начинает темнеть, с неба опять начинает накрапывать мелкий-мелкий дождь, и лужи, до того блестящие мутными зеркалами, тут же становятся шероховатыми.

Они идут теперь быстрее, натянув капюшоны, доходят до продуктового, и вдруг Отабек останавливается, Юра недоуменно смотрит на него. Алтын делает всего один шаг, чуть наклоняется и целует его.

Юра сначала вздрагивает — они прямо на улице целуются, при этом живя в России — но потом расслабляется. На улице почти темно, они оба в капюшонах, и непонятно даже, что они оба парни, да и никого вокруг нет — все сидят по домам.

Отабек находит его руку и щекотно проводит пальцами по ладони. Юра улыбается, и это, по сути и разрывает их поцелуй.

Отабек улыбается ему в ответ и кивает в сторону зеленой вывески магазина.

\*\*\*

Отабек почему-то ведет его по лестнице. Юра сначала не понимает, зачем, если есть лифт, но когда Отабек берет его за руку и почти танцевальным движением заставляет упереться спиной в стену, Юра понимает.

Пахнет сырым полом, табаком и почему-то блинами.

А они целуются, опустив пакеты, на этаж ниже квартиры.

У Юры в голове настойчиво бьется песня, и он шепчет несколько строчек прямо в поцелуй:

— Плакали, плакали батареи и трубы,  
Я целую, целую, твои нежные губы.

И мало ли, мало ли, что подумают люди, — Отабек шепчет в ответ, и им обоим совершенно наплевать на то, что они (вроде как) поют их в неправильном порядке:

— Мой прокуренный голос, твои тёплые губы,  
Нам так нравится мёрзнуть.

Юра фыркает, расстегивает его куртку, упирается лбом в мокрую ветровку на плече Отабека, сцепляет руки на теплой ткани его футболки. И как он только не замерз?

И они шепчут через строчку, почти так же, как совсем недавно курили электронку — по очереди:

— Знаешь думать и париться — бесполезная тема,  
Мы с тобой поднимаемся, по лезвию в небо,

И не хочется сдержанным быть и обыкновенным,  
Когда ты это бешенство запускаешь по венам.

А потом Отабек прямо на ухо тихо говорит ему, и от теплого дыхания по шее бегут мурашки:

— Плакали, плакали батареи и трубы,  
Я целую, целую, целую, целую.

Примечание к части Пообещать чаще писать, а потом пропасть на месяц? Это про меня  
Как обычно слить концовку? Это тоже ко мне

А если серьезно, то господи, спасибо, что Вы есть. Я за несколько дней получила столько добра, позитива и теплых слов, сколько не получала за прошедшие полгода. Я Вас обнимаю.

не могу я расписаться никак, думаю, что выложу пару глав алфавита, просо для разминки, а потом уже напишу вторую часть этой главы (вообще-то это должна была быть одна глава, но я поняла, что я ее никогда не допишу такими темпами). В процессе написания придумала еще пару интересных моментов, так что это далеко не конец.

Еще надо мной висит забытая цивилизация, и это копец

В любом случае, спасибо Вам

P.S. И да, теперь у фф статус "В процессе". Наконец-то

## Часть 6

Они втроем стоят чуть левее от входа в клуб. Если честно, Юру пугает толпа, которая стоит в очереди, потому что она охренеть, какая огромная. А еще он думает о том, что один билет стоил как три его стипендии, и это заставляет смущаться, ведь Отабек отдал их просто так. Фактически, из своего гонорара. Ну как отдал — сейчас должен отдать, они как раз его и ждут, и колючий холод, вперемешку с мелким дождем отнюдь не делает ожидание более приятным.

Мила, рыжая сучара (на самом деле Юра ее обожает), после того, как он сказал им про концерт, конечно же выразительно подняла брови и с хитрой улыбкой спросила: «Так у вас все реально серьезно?»

Юра хмыкнул и покачал головой: «Не серьезнее, чем было с Лешей». Они с ним спали месяца полтора, но Юре приходится признать (естественно, только в своих мыслях), что сейчас все не так.

И он, и Леша тогда спали с другими парнями. Встречались раз-другой в неделю, трахались и разбегались по своим делам — никакой нервотрепки, никаких скандалов. Чудесно. И только сказав Гоше и Миле, что у него с Отабеком все так же несерьезно, Юра понимает, что он врет.

«Блять», — думает Юра: — «Твою мать».

Закрывает глаза, делает несколько глубоких затяжек, и дым, вроде как убирает все мысли.

Ну да. Немного серьезнее. И что?

Зато он теперь не прогуливает английский, как было с Лешей, потому что иначе они бы ничего не успевали. И однажды с Отабеком они разойдутся примерно так же — тихо, спокойно, просто Алтын скажет ему, что у него есть тот, кому он бы хотел посвящать все свое время и в кого он влюбляется. Юра будет искренне за него радоваться, так же, как несколько месяцев назад радовался за Лешу.

Поэтому, когда Мила лукаво спрашивает: «Точно?», Юра с уверенностью отвечает: «Ага».

\*\*\*

Гоша зябко ежится, он вообще не переносит холода, натягивает капюшон еще ниже.

— Где там твой ебарь?

Если бы это сказал кто-то другой, Юра бы ему въебал, не раздумывая. Но это Гоша, который говорит не с целью оскорбить или задеть, а просто потому что он замерз и не думает о том, что он несет. Он вообще из-за этого часто огребает.

Мила, почти до самых глаз укутанная в шарф, бросает на него осуждающий взгляд.

Юра смотрит на экран телефона — концерт начнется через полчаса, Отабеку и правда пора бы уже появиться.

Как только он убирает телефон в карман, тот предательски вибрирует. Юра чертыхается, достает его негнушимися пальцами.

Для начала октября, на самом деле, очень холодно.

«Пройди левее от входа, там будет проем между домами, там встретимся».

В проулке — Юра даже не знает, как правильно это описать, еще ветренее, на мокром неровном асфальте валяется дофига мусора и окурков.

Мила коротким и ёмким: «Блять!», оповещает о том, что она наступила в лужу.

Отабек выходит из-за серой металлической двери — запасной выход, скорее всего, кивает Миле и Гоше, чуть улыбается Юре, специально касаясь своими пальцами его ладони.

Выглядит он уставшим. Очень. Это видно даже в почти полной темноте, и дышит часто. И пальцы сухие, горячие.

— Привет.

Юра смотрит на него, и не здороваясь, спрашивает:

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Потому что от Отабека так и разит начинающейся простудой. И голос хриплый.

— Да, Юр, не переживай. Это от волнения.

Юра думает, что никуя это не от волнения.

На прошлом концерте он за пять минут до начала выступления сосался с незнакомым парнем — то есть с ним — и волнением там и не пахло.

— Еще раз спасибо за билеты.

Отабек ухмыляется, и говорит тихо, чтобы Мила с Гошей не услышали, ну или хотя бы

не разобрали слов:

— Вечером отплатишь, — И Юра мог бы в этот момент почувствовать себя самой настоящей шлюхой, если бы это был не Отабек. Потому что он ни разу не показал, что в Юре он видит лишь подстилку, которой нужно платить.

Да и Юра сам понимает, что это не так. Вспоминается тот день, когда Отабек приехал после репетиции уставший, как собака, и вместо того, чтобы быстренько трахнуть и отрубиться, он с ним разговаривал почти три часа.

Так с подстилками не обращаются.

Поэтому он принимает легкий вызов дурацкой игры:

— Сполна отплачу, не сомневайся.

Отабек улыбается, вновь находит его руку, сжимающую билеты, проводит по ним самыми кончиками пальцев.

— Тебя на концерте ждет небольшой сюрприз.

Юре хочется поцеловать его прямо сейчас, как тогда, в самый первый раз — на одном дурацком порыве, на чистых эмоциях от алкоголя, музыки и легкого соперничества, но здесь Гоша и Мила (хотя тогда это не особо остановило), а еще Отабеку наверняка холодно в одном свитшоте стоять в этом ветреном переулке.

Поэтому Юра просто улыбается, чуть сжимает руку, надеясь, что не помнет пригласительные, и касается руки Отабека.

— Встретимся на парковке после концерта, она с другой стороны здания, — говорит Алтын, перед тем, как уйти.

— Несерьезно у вас, как же, — говорит Мила, пока они стоят в очереди на входе. Юра закатывает глаза. Мила цокает языком. — Идиот, господи, какой же ты идиот. Гош, подтверди!

Гоша, не поднимая глаз от телефона, угукает.

— Вот видишь, даже Попович так думает.

— Пошли вы, — Юра натягивает капюшон еще ниже. А пальцами проводит по руке, где его касался Отабек.

\*\*\*

Толпой сносит в середину зала, у самой сцены толпа настолько плотная, что Юра удивляется, как люди там вообще умудряются дышать. В метро в час-пик свободнее. Они такими темпами Олимпийский скоро будут собирать, а группа-то совсем молодая.

Юра хочет пойти к бару и взять что-нибудь выпить, но он понимает, что точно потеряет место, и просто ждет.



Группа выходит минут через семь. Ненавязчивый ритм минусовки какой-то попсовой песни затихает, зал визжит, машет руками. Солист стучит пару раз по микрофону.

— Привет всем, кто пришел! Не буду утомлять вас длинной вступительной речью с благодарностями, поэтому мы просто начнем петь.

Юра узнает мелодию с самых первых аккордов.

И орет вместе со всей толпой.

И смотрит на Отабека. Тот выглядит намного лучше, чем за полчаса до этого, но что-то в нем говорит — только Юре, наверное — что ему тяжело. То, как он хмурится, облизывает пересыхающие губы, как он жадно пьет воду в перерывах между песнями и утирает лоб черным напульсником.

К середине концерта он начинает выглядеть откровенно херово. Нет, он выглядит охерительно, как и всегда, но он бледный, и дышит тяжело, поверхностно. И закрывает глаза из-за яркого света софитов. Ничерта это не мандраж от выступления.

Рядом какой-то парень подсаживает девушку себе на плечи. Юра сочувствует тем, кто стоит позади этой парочки.

— А предпоследняя песня, увы, друзья, мы тоже устали, будет не наша, а другой потрясающей группы, которую мы очень любим, и уверены, что вы тоже. Эта песня от нашего басиста, которая посвящается человеку, чьи глаза цвета зеленых стекол.

Юра не может кричать. И не потому что почти сорвал голос за предыдущие сорок минут, а потому что весь воздух из груди вышибло напрочь.

Басами и барабанными ритмами прошивает насквозь.

Юра стоит среди беснующейся в экстазе толпы, и не может даже шевельнуться. Может только смотреть на Отабека, который, Юра почему-то совершенно уверен, ищет взглядом именно его.

— Видно пара наши крылья в рюкзак, — Юра вытягивает руку, встает на цыпочки, светит экраном телефона, и Отабек замечает. Даже с этого расстояния понятно, что он его видит. — Небо в твоих изумленных глазах цвета точно такого же, что и зеленые стекла.

Юра не знает, видел ли его Отабек среди толпы после того, самого первого поцелуя, но он думает, что сейчас есть определенного рода отсылка на тот вечер.

— Мы в красную книгу мечты занесли, — Эта строчка про Отабека. Про причину того, почему он переехал, что оставил позади. Это догадка, всего лишь догадка, но Юра чувствует, просто чувствует, так же, как и чувствует вибрацию пола из-за раскатов гитары, что она верна.

— Город ссутулился, сжался в комок: страх — доминанта среди всех причин, — Юре

правда страшно. Страшно опять все потерять, страшно вновь находить себя в осколках. Пусть и в зеленых. Как же, черт возьми, Отабек в точку этой песней попал. — Завтра нести на могилы цветы, — Не мог он просто знать, что цветы нести надо будет послезавтра, только в этом ошибся. Щеки и правда намокли, Юра и не заметил, когда у него слезы покатались.

— Стой, обернись, смотри по углам, — «можешь упустить самое важное», про себя шепчет Юра. — Убьют одного за одним нас зеленые стекла, — И ведь во всем и правда виноваты треклятые зеленые стекла.

— Так крылья достань свои из рюкзака, весна пусть подавится рваным пальто, небо в твоих изумленных глазах цвета точно такого же, что и зеленые стекла.

Песня кончается, начинается новая, Юра видит, что Мила бросает на него беглый взгляд, но он знает, что она никогда не напомнит ему о том, что видела, как он сегодня плакал.

Она-то знает причину. А вот Отабек — нет. Но каким-то шестым угадал, нащупал. Или просто ради одной строчки про глаза попросил ее сыграть, кто его знает.

Юра утирает лицо, когда группа Отабека уходит со сцены. Толпой несет к выходу, и Юра, у которого в голове до сих пор только и слышны строчки песни — не последней, а той, посвященной ему — безвольно идет за Милой, которая цепко держит его за руку.

Осенний воздух отрезвляет. Сигарета на парковке заглушает отдающуюся эхом в голове музыку.

Они втроем молчат. Наверное, стоило остаться в клубе чуть подольше — Отабек же не сразу на улицу выйдет, надо ведь аппаратуру загрузить, одеться в конце концов.

Вслед за первой сигаретой зажигают по второй. Начинает немного подкруживать. Мила не выдерживает:

— Ты ему рассказал?

Юра мотает головой.

— Нет. Просто случайно выбранная песня, не берите в голову. Концерт-то был офигенный! А как они спели «критикана», а?

Гоша втаптывает бычок в асфальт.

— Ты только не загоняйся, ладно? Ты же и без того помнил, это просто совпадение.

— Я знаю, — Юра улыбается. Сам понимает, что вышло не очень правдоподобно, но он правда старался. — Ребят, вы не мерзните, езжайте домой, он скоро придет.

Мила кивает. Перед прощанием обнимает его крепко-крепко, говорит, чтобы написал завтра, когда домой приедет.

Юра смотрит на отъезжающее такси и достает из пачки новую сигарету.

Это простое совпадение. Концерт был потрясающий. Да и сюрприз удался. Ему никогда песни не посвящали, и он сомневается, что когда-то еще будут.

А то, что он воспринял строчку из припева на себя буквально — полнейшая глупость. Просто как раз сейчас именно это — больная тема. И зеленые стекла, и порнофильмы в принципе он очень и очень любит. Просто так совпало.

На плечо опускается рука. Юра бы напрягся, если бы прикосновение не было почти нежным, если это можно сказать про касание через куртку.

— Привет, — Отабек говорит в нос, хрипло.

— Ты, блять, как умудрился заболеть?

Мысли о песне, которая случайно так надавила на больную точку, улетучиваются, как дым сигареты на ветру.

Отабек пожимает плечами неопределенно, потом говорит:

— Да не заболел я, так, продуло немного. Дома чай выпью, и буду как новенький. Юра встает на цыпочки, прижимается губами ко лбу.

— Да ты как чайник горячий, — Нет, Отабек, конечно, всегда горячий, но сейчас совершенно в буквальном смысле. — Я надеюсь, ты не на мотоцикле?

— Нет, — Отабек морщится, затягиваясь. Еще бы, при простуде курить неприятно, Юра по себе знает. — Дорога скользкая, опасно.

Он вызывает такси, Юра смотрит на Отабека. Выжидательно смотрит, ждет ответа на заданный ранее вопрос.

Отабек закатывает глаза и бросает скуренную на половину сигарету.

— Вчера дождь шел, а я на мотоцикле был. Утром встал никакущий, голова раскладывалась. Думал, что расхожусь, а только хуже стало. Юр, может быть ты поедешь домой? Я тебя заразить могу.

Отабек и сам понимает, что Юра не поедет домой.

В такси они оба садятся на заднее сидение, Алтын откидывает голову на подголовник — его и знобить уже стало, адреналин после выступления прошел.

Таксист протягивает Юре пакет:

— На случай, если вашего друга начнет тошнить.

— Он не пьян, — Юра говорит резко, и ему немного стыдно перед ничем не виноватым

водителем, но он просто хочет поскорее добраться до квартиры Отабека, чтобы тому стало лучше.

Таксист тяжело вздыхает и выруливает с парковки.

Отабек находит рукой Юрины пальцы, кладет на них ладонь. Юра улыбается в рукав куртки, поглаживает пальцами в ответ, и смотрит на рыжие сырые огни за окном.

Примечание к части Я ленивый тормоз.  
Спасибо Вам, за то, что ждете главы

Ну и  
Блин  
Вас больше пятисот.  
Я в шоке

Спасибо Вам  
Я Вас обожаю

## Часть 7

— Юр, правда, езжай домой. Я отосплюсь, и получше станет. А ты только заразишься.

Юра сжимает губы. Ну какой же дурак, мать его.

— Да я уже заразился, если так. Потом будет твоя очередь меня лечить. Где у тебя аптечка?

— Шкафчик левее от того, что над мойкой, — Говорит Отабек и уходит в спальню. С Юрой иногда бороться и спорить бесполезно, он это уже, похоже, понял.

В аптечке лежит упаковка презервативов, смазка, градусник, «доктор мом» и блистер стрепсилса с двумя таблетками. Юра цокает языком. Отабек вообще не болеет что ли?

Ставит чайник, заглядывает в холодильник. Лимон есть, это уже хорошо. Лучшее средство — чай с лимоном, если лекарств нет. В нижнем ящике обнаруживаются овощи. Нельзя сказать, что в большом количестве, но для супа их будет достаточно. Картошка с луком лежат в ящике по соседству с раковиной.

Юра заваривает чай, берет градусник и чашку, несет осторожно — почти до краев чашку налил. Все-таки капает немного на тумбочку, выругивается тихо.

— Пей. И градусник поставь, пожалуйста. Я минут через пятнадцать вернусь.

— Юр, да все в порядке. Не переживай так, это простуда простая.

Юра смотрит хмуро на Отабека. Как ребенок, ей-богу.

\*\*\*

Юра долго и придирчиво смотрит на куриные грудки в магазине. Он любит готовить, но вот с выбором мяса у него большие проблемы. Вот эта кажется нормальной, но ему не нравится прожилка белая. А эта слегка голубоватая.

Потом Юра вспоминает, что его, вообще-то ждет Отабек с температурой, и хватает первый попавшийся желтый контейнер.

Аптека печалит своими ценами.

Продавщица смотрит на Юру хмуро — до конца ее смены минут пятнадцать, ясное дело, что ей уже домой хочется, она уже и халат даже сняла, а он тут пришел.

Юра смотрит на нее не менее хмуро — его больной вообще-то ждет, а это ее работа, так что нечего тут так вредно коситься.

Цену за билет Юра почти отбивает. Чек выкидывает, чтобы Отабек не вздумал потом пытаться вернуть деньги; он это не из меркантильности все делает, а потому что хочет. И считает это правильным.

Отабек заслуживает заботы.

У самого подъезда Юра наступает в холодную лужу, матерится, и открывает дверь в подъезд.

\*\*\*

Зайти в теплую квартиру после сырого холода — настоящее блаженство.

— Температура какая? — спрашивает Юра с порога, стягивая куртку. Свою. А перед выходом он на секунду замешкался, руку потянул к кожанке Отабека.

— Тридцать шесть и семь.

Конечно, Юра не верит. Ни капельки.

— А если честно?

Юра стягивает мокрый кроссовок и носок, и с одной голой пяткой, которая при каждом шаге прилипает к полу, заглядывает в спальню.

Отабек тяжело вздыхает — Юра в некоторых вопросах упрямый, как баран.

— Тридцать семь и восемь, — говорит он честно.

\*\*\*

Отабек честно выпивает противовирусное, терафлю и пускает в нос капли.

Юра спрашивает, вырезали ли тому миндалины, и получив положительный ответ, немного успокаивается. Значит, это не ангина.

\*\*\*

Юра плачет.

Крупные капли падают на столешницу. И слезы не собираются останавливаться.

Плисецкий шмыгает носом.

Юра ненавидит резать лук.

Но надо, потому что он нужен для супа, как и морковь, и картошка, и даже курица, будь она неладна со своей белой прожилкой на боку.

Юра запоздало понимает, что он не купил вермишель, но у Отабека (скорее всего по счастливой случайности) она есть, на самом дне пластикового пакета, но это лучше, чем ничего.

Юре честно не хочется будить задремавшего Отабека, но ему нужно поесть, а куриный суп — лучшая, по Юриному мнению, еда для больного человека.

Лоб у Отабека уже не такой горячий, дыхание ровное, но он выглядит таким... беззащитным, уязвимым, что у Юры что-то внутри щелкает.

«Материнский инстинкт» — слышится в голове ехидный голос Милы. Она произносит это каждый раз, когда Юра специально ходит в магазин за пакетиком вискаса, если к нему ластится очередная уличная кошка и смотрит голодными глазами (а это происходит очень даже часто).

Юра ставит суп на тумбочку, рядом с двумя чашками и каплями для носа. Смотрит еще секунду на Отабека. Черт, какой же он все-таки красивый. И четкая линия скул, и ресницы темные. И губы, которые сейчас все в трещинках.

Юра легонько трясёт его за плечо.

Отабек медленно открывает глаза, смотрит слегка расфокусировано.

— Поешь немного, ладно? Можешь не доедать, если не захочешь.

Отабек садится на кровати, смотрит на Юру совершенно неопределяемым взглядом.

— Юр, тебе правда было необязательно все это делать.

Юра почти сердится. Почти — потому что сердиться на Отабека в принципе тяжело.

— Я тебя сейчас сам кормить буду.

Ложечку за солиста, ложечку за барабанщика, ложечку за поклонников...

Отабек мягко улыбается.

— Спасибо, — говорит Отабек, и совершенно неожиданно берет его ладонь и прикасается к ней губами.

У Юры в кончиках пальцев пробегает разряд. Он на секунду чувствует, как дыхание сбилось.

Юра сглатывает. Вроде как в коленях какая-то даже слабость появилась.

— Я... я пока чашки отнесу, а ты кушай.

Диван у Отабека мягкий, и плед уютный. Но непривычно засыпать в этой квартире, отдельно от ее хозяина.

В тишине слышно, как Отабек спокойно дышит в спальне. Только вот сон не идет, несмотря даже на то, что он устал сегодня и получил столько разных эмоций.

Юра вздыхает, идет в коридор, берет из кармана куртки пачку сигарет и выходит на балкон.

Сигарета поджигается со второй искры зажигалки.

Воздух пахнет прелой листвой, влажностью, ночь разрезается шумом машин под окнами.

Юра вдыхает дым глубоко в легкие.

Как-то все... неправильно. Слишком все стало уютным, домашним, привычным. И это опасно. Потому что влюбляться — опасно, привязываться — опасно, чувствовать мурашки от чужих прикосновений — опасно.

Юра сейчас чувствует себя почти на минном поле.

Юре нравится сама идея отношений без обязательств, он так и жил почти год. И с Отабеком у них тоже отношения без обязательств. Вот только ни одного из тех, с кем он спал, он не отпаивал лекарствами. И не смотрел вместе телевизор, и не целовался долго и почти трепетно.

Юра запускает левую руку в волосы. А потом прикасается ей к губам. Отабек целуется потрясающе, а в этом Юра уж что-то, да понимает.

Любит он целоваться.

Вспоминается сразу тот случай из прошлого мая: мерзкий, оставивший после себя глухое эхо отвратительно обидных слов.

Юра зажигает вторую сигарету.

Он тогда познакомился с парнем в одном клубе. В памяти всплывают только серые глаза, как рыба чешуя во льду в магазине, и еще то, что имя начиналось на букву «к».

Через несколько минут после того, как Юра вышел из душа, тот парень положил на его колено руку.

Юра потянулся за поцелуем... И наткнулся на холодный взгляд и ледяную ухмылку.

— Шлюх не целуют.

Юра ни секунды не жалел, что уехал тогда от этого ублюдка.

Именно этим, наверное, Отабек и подкупал: он целовался искренне, чувственно.

Юра докуривает сигарету и бросает ее в окно.



Глаза уже начинают слипаться.

\*\*\*

Утром Отабеку лучше, только нос заложен.

Он провожает его до двери, благодарит его несколько раз, обнимает крепко, и прикасается губами к Юриной шее.

Юра знает, что на следующих выходных они опять встретятся, и мысленно уже считает дни. Это уже, похоже, вошло в привычку.

## Часть 8

Юра наотрез отказывается от того, чтобы Отабек заехал за ним в пятницу на мотоцикле, несмотря даже на то, что на улице не по-октябрьски тепло.

Да и в конце-концов ему все-таки надо учиться, поэтому он просит Алтына встретить его у метро утром в субботу.

На улице теплее, чем было в сентябре, и Юра вешает куртку себе на предплечье, закуривает кое-как сигарету, ожидая Отабека.

Тот приходит спустя четыре затяжки.

Юре хочется наброситься на него прямо здесь, наплевав на толпы людей вокруг, и в особенности ту бабульку, которая стоит со внучкой на остановке и смотрит на него с таким презрением и укором, как будто он не сигарету курит, а по улице голым ходит.

Но Юра сдерживается, улыбается, жмет Отабеку руку, и они идут в сторону дома Отабека почти молча.

Лишь на перекрестке Юра замечает — у Отабека в глазах голод. Такой же, как и у него самого.

А у подъезда из кустов выскакивает рыжий кот, и Юра моментально откладывает все свои грязные мыслишки в сторону.

Кот трется об ноги, бодает лбом протянутую руку, мурчит.

Отабек присаживается на корточки рядом.

— Кот, прекрати еду клянить, я только что видел, что тебе сосиску выносили.

Юра поднимает на Отабека взгляд.

— Его прямо так и зовут — «Кот»?

Отабек улыбается, чешет кота за ушком.

— Его кто как только не называет. Кто Васькой, кто Борькой, кто Рыжим, кто Марком — сокращенно от Морковки, потому что не сразу поняли, что это не кошка. Его тут все подкармливают. Коммунальный кот. Общий.

Юра смеется, смотрит на Отабека, в чьих темных глазах отражается светлое небо, и думает в очередной раз: «как же мне фортануло-то, именно его по пьяни засосать. И как мне повезло, что он мне просто сразу ебало не разбил».

— А чего его кто-нибудь к себе не возьмет?

— А он убегает. Брали, и не раз, а он только дверь откроется — и в подъезд. Живет в подвале, ему туда тряпок старых снесли. Так что он у нас здесь не страдает, не

волнуйся, — говорит Отабек, открывая дверь подъезда. И потом, уже в лифте спрашивает: — Ты сильно кошек любишь?

\*\*\*

Отабек в буквальном смысле набрасывается на него, едва дверь с легким щелчком закрывается.

Юрина куртка безвольно падает на пол, сам Плисецкий отчаянно целует Отабека. Черт возьми, как же он скучал.

Отабек целует глубоко, можно было бы сказать, что требовательно, но он не требует — он просто делает так, что Юра сам ни за что в жизни не захочет останавливаться. А Юра и не хочет.

Он обвивает руками шею, и затылок, уже привычно, колет подушечки пальцев короткими волосками. Отабек подхватывает его под ягодицами, и Юра перекрещивает свои ноги на его поясице. Он теперь прижат к двери, поэтому выше, и это добавляет какой-то остроты этому, и без того сумасшедшего от переизбытка эмоций, моменту.

— Блять, Бек, надо после кота руки помыть.

Отабек издает нечто среднее между рычанием и стоном, ставит Юру на пол, говорит:

— Ты в ванную, я на кухню.

\*\*\*

Юре кажется, что ему никогда не было лучше. Они лежат, и их ноги переплетены под одеялом, у Отабека во впадинке между ключицей и шеей багровеет засос.

Как же хорошо, черт возьми. Отабек, вроде, слегка дремлет, Юра, лежа на его груди, листает ленту вк в телефоне.

Они успели немного перекусить, потом опять пошли в спальню, и время пролетело как-то совсем незаметно — за окном уже почти догорел розовый закат.

Отабек целует Юру чуть выше уха, шепотом предлагает сходить покурить.

В одних трусах и футболке на балконе прохладно, и Юра ставит одну ногу на другую.

Отабек, похоже, вообще холода не чувствует, а ведь вроде только после болезни. На небе видно несколько ярких звезд.

Отабек косится на Юру, потом показывает сигаретой на небо, цвета индиго.

— Видишь, как будто крест перевернутый? Это лебедь.

Юра смотрит, но все равно не понимает, о каких конкретно звездах говорит Отабек.

— Я только большую медведицу знаю.

Отабек улыбается, тушит сигарету, выбрасывает бычок в окно.

— Здесь звезд почти не видно. Ты бывал когда-нибудь вдали от города ночью? — Юра кивает — на дедушкиной даче, даже на звездопады августовские смотрел. Но никогда не мог созвездия различать. — Я раньше жил в пригороде, там такие звезды яркие были, а если еще и на машине километров на пятнадцать уехать, то кажется, что вся вселенная на тебя смотрит.

Юра продвигает немного руку по подоконнику, наталкивается на пальцы Отабека.

А потом говорит не думая:

— Может как-нибудь за город съездим? — И понимает, что он спизданул. Холодеет внутри. «Просто секс» не подразумевает под собой поездки на природу.

Но Отабек переплетает их пальцы, берет левой рукой Юрину сигарету и докуривает ее одной большой затяжкой. А потом притягивает Юру к себе, отходя при этом на полшага назад, и Плисецкий оказывается зажат между ним и подоконником. Хотя зажат здесь слово совсем не правильное.

— Давай. Знаешь, есть всякие турбазы, там можно на пару ночей остановиться.

Юра улыбается, все напряжение, только что возникшее, исчезает, и он тянется к губам Отабека.

Их поцелуи мягкие, легкие, такие уже *привычные*. Правая рука Отабека и левая рука Юры до сих пор переплетены, и холод из открытого окна струится по босым ногам, и их дыхания смешиваются. Это все такое... правильное и настоящее, что у Юры сердце щемит.

\*\*\*

Отабек только загадочно улыбается на все вопросы Юры о том, куда они собираются, и во время завтрака, и пока они одеваются и идут в гараж за мотоциклом — сегодня чуть прохладнее, чем вчера, да и ветер немного сильнее, но дождя быть не должно.

Они едут достаточно долго — минут сорок, или около того; хотя если бы они были на машине вышло бы в два раза дольше.

В конце-концов, когда Юра уже почти замерз, да и руки начали неметь, Отабек сбрасывает скорость и заезжает в какой-то неприметный переулок.

Юра смотрит на вывеску на здании, рядом с которым остановился Отабек — «Кото-кафе», и немного умирает. Смотрит на Алтына, и удивляется — почему же он не видит у него над головой нимба.

Потому что Отабек определенно святой, иначе и быть не может.

\*\*\*

Они играют в интересную настольную игру, пьют чай, Юра тискает всех кошек, которые к нему подходят. Серая с белым воротничком постоянно пытается залезть в чашку носом.

Уходить не хочется, но Юра понимает — надо. Ему завтра на учебу. Да и они уже просидели здесь не меньше двух с половиной часов, а платят-то тут за время.

Пока они курят у выхода, он спрашивает Отабека, сколько он ему должен, но тот смотрит, чуть наклонив голову, и серьезно отвечает, что нисколько.

— Юр, у меня гонорары довольно большие. Мне такие деньги не особо нужны, все, что мне нужно, у меня есть, и даже больше. Я все равно столько не трачу.

Юра открывает рот, пытается сказать что-то про то, что он может заплатить за себя, что ему неловко, что-нибудь еще, но Отабек кивает в сторону мотоцикла.

И Юра понимает, что он не поедет сегодня домой. Не потому что Отабек на это намекает, нет. Потому что он хочет этого.

— У тебя завтра есть репетиция?

\*\*\*

Юра решает, когда Отабек кладет ему в тарелку жареные пельмешки. Глубоко вздыхает и на едином дыхании выпаливает:

— Как ты относишься к легкому бдсм?

\*\*\*

Юра, на самом деле, ненавидит чувствовать себя беспомощным, боится неизвестности, но с Отабеком ему не страшно. Тем более, что тот явно не фанатик, как и сам Юра, да и у них не будет ничего такого — Юре просто хочется побыть полностью в чужой власти.

У Отабека кровать без перекладин, поэтому они втыкают между матрасом и спинкой сломанный карниз — крепеж сорвался несколько месяцев назад, а тот его до свалки не донес, на балконе бросил. Юра полностью осознает, что они собираются делать, когда Отабек протягивает ему темную маску для сна.

А потом, когда Юра не видит ничего — ни света, ни темноты — Отабек перехватывает его руки, заводит их за голову, осторожно связывает запястья и привязывает их галстуком к тому самому сломанному карнизу.

— Не больно?

— Все хорошо. Я скажу, если, — Замолкает на секунду. Бдсм не особо располагает к разговорам и просьбам. Но Отабек понимает.

— Я развяжу сразу, как попросишь, — коротко целует его в уголок губ и встает с кровати.

Юра слышит, как расстегивается пряжка его джинс, как с легким стуком опускается на тумбочку его телефон.

И слышит, как в ушах отдается стук его собственного сердца.

Первое прикосновение теплой руки к бедру ощущается как взрыв фейерверка. Отабек выцеловывает все его тело, проводит шершавыми пальцами по каждому миллиметру его кожи, и из-за того, что Юра не видит ничего, это чувствуется так остро, так ярко.

Отабек развязывает свой галстук, стягивает с лица маску, и Юра четко видит его лицо почти в полной темноте комнаты.

И каждой клеточкой тела он чувствует эту близость. Уже сквозь полудрему он чувствует, как Отабек целует его в макушку сразу после того, как вынимает карниз из кровати и кладет его на пол.

Просовывает ногу между его бедер и засыпает.

К черту первую пару, к черту конспект по истории, который лежит у его компьютера дома

Юра ни секунды не жалеет, что решил остаться сегодня у Отабека.

## **Примечание к части**

Бейте меня, я опять пропала на две недели.

И, это, ребят.

Прода "Загадки забытой цивилизации" будет. Несколько отзывов, которые Вы мне написали, фактически отговорили меня от заморозки этой работы, хотя я уже собиралась.

И еще, наверное, самое главное.

[https://vk.com/yurionice\\_rp\\_aninemagic](https://vk.com/yurionice_rp_aninemagic)

Я теперь КП в этой чудесной группе. Заходите, подавайте заявку на распределение, скоро там должна появиться одна фишка (я очень на это надеюсь, потому что я буду прикладывать много усилий к ее созданию), и она должна быть довольно крутой.

Так что заходите, добавляйтесь, там реально круто

Ну и мне и моим коллегам приятно

Спасибо, что ждете мои нерегулярные главы, я Вас очень-очень сильно люблю

Всех и каждого♥